

Черетели Зураб

12 марта.
2001

Опять Церетели

Открыт новый выставочный комплекс Российской академии художеств

Новое помещение — отреставрированный классицистический особняк на Пречистенке (Дом Долгорукова, архитектор Матвей Казаков) — на три этажа заполнено выставкой «Императорская Российская академия художеств». Анфилада залов с работами президента академии — главное блюдо экспозиции, на гарнир поданы другие русские художники.

«Культура», 2001, 12 марта, с. 7

Ольга КАБАНОВА

Новый комплекс открыт по фирменному черетелиевскому рецепту, уже опробованному при открытии Московского музея современного искусства на Петровке. К первой экспозиции из разных музеев собраны экспонаты, в том числе и очень хорошая живопись больших русских художников, собраны они без всякой идеи, «до кучи». Когда же музеи заберут свои экспонаты, то в церетелиевской вотчине останутся практически только работы самого Зураба Константиновича и его личное собрание.

На этот раз Церетели больше всего помог питерский Музей-квартира художника И.И. Бродского, обладающий чудесной живописной коллекцией. Что-то из запасников выдала Третьяковка, не поспустился Музей архитектуры имени А.В. Щусева, ГМИИ имени А.С. Пушкина поделился слепками с бессмертной классики, Московское отделение Союза художников обеспечило работами новых академиков — шестидесятников и семидесятников. Да и сами академики — наши современники, круг которых мудрый Церетели за годы своего президентства существенно расширил, охотно пополнили экспозицию.

Поэтому хорошей живописи и больших имен на выставке действительно много. Если бы авторы выставки на этом и остановились, то, может быть, и не стоило пеинять им на отсутствие системы и логики. Репин и Левитан, Васнецов и Коровин, Кустодиев и Григорьев, Тышлер и Малявин хороши и не самыми знаменитыми своими полотнами, они приковывают внимание сами по себе, без контекста. Но, как известно, затея Зураба Церетели всегда грандиозны. В том-то и беда.

Выставка представляет собой имитацию музея, где безымянные копии и робкие упражнения младшекурсников соседствуют с классикой русской живописи, картонами росписей храма Христа Спасителя, работами боль-

ших художников, изумляющими нарядами от русских кутюрье Зайцева и Юдашкина и зачем-то выставленными современными японцами из Музея Востока. Апофеоз этой мешанины — вход на третий этаж, где плохенькие слепки с Венеры Милосской и микеланджеловского раба стоят прямо под веселыми войлочными ковриками, огромного размера, сваленными по эскизам Зураба Церетели. И, понятное дело, выглядят убого и голо на фоне размашисто размалеванного войлока.

Но запредельный размах выставки обретает в многочисленных церетелиевских залах. Тут потрясает все — и эмалированная часовня (иконостас и иконы из эмали), и галерея деятелей культуры (поэты Ахматова, Бродский, Мандельштам, Окуджава, Андрей Дементьев и Илья Резник, виртуоз Владимир Спиваков с бабочкой на голом теле, режиссер Галина Волчек с настоящими очками на бронзовом носе, Рудольф Нуриев в прыжке), и живопись ярких красок, и хрустальная люстра в виде куполов, и модели как воздвигнутых, так и ждущих своей очереди памятников. Про один из них — памятник Екатерине Великой в виде аллегории греческой богини, венчающей дорическую колонну, у постамента которой рассажено еще два десятка аллегорических фигур — молва утверждала, что стоять ему на Лубянке на месте сверженного Феликса. Но, верю, депутат Шандыбин такого не допустит. Если, конечно, Церетели и его не свяляет в позе роденовского мыслителя.

Сквозь окно отреставрированного особняка виден внутренний двор, где в лесах стоит гигантское яйцо — новый сюрприз от Церетели. Что бы за него скорлупой ни скрывалось — сильное впечатление зрителям гарантировано. Президент Российской академии художеств феноменально неутомим, фантастически плодовит и по-прежнему пользуется безграничной поддержкой московских властей. Ему все подвластно и все дозволено.

МИХАИЛ КЛИМЕНТЬЕВ

Зураб Церетели со своим шедевром